

От существования к императиву сущности

А.П. Марюхин

МОСКВА

В настоящей статье мы рассмотрим понятия «сущность» и «существование», которые объединены в императиве экзистенции, сущности жизни. Отстаивая культурологический подход Ю. Степанова, мы критически отнеслись к идеям «умножения сущностей», которые предлагаются в семантическом позитивизме.

Впервые подробно о понятии «сущности» Ю. Степанов говорит в книге «В трехмерном пространстве языка», обращаясь к категориям Аристотеля [Степанов 1985: 32]: 0) сущность как таковая, сама по себе; 1) сущность выступает в отношении различных переменных качеств вещи как их основа, как постоянство вещи, как субстрат; 2) в языке сущность, или субстрат, выступает как грамматическое подлежащее; 3) в мысли сущность выступает как субъект простого категорического ассерторического суждения.

Далее сущность предстает «глубинной структурой имени», а имя выступает как некий каркас сущности, «путь ее познания». Уже здесь можно проследить намечающуюся линию, по которой строится дальнейшая философия автора. Имя не просто определяет сущность, через него познается субъект, сначала взятый отдельно как «живое существо» в рамках категорий дерева Порфирия, наделенный определенными качествами, затем как «человек без свойств» в поэтике предиката, наконец, как коллективное сознательное в исследовании концептов.

Существование и экзистенция суть преходящее, сущность же – вечное. Она возможна вне форм мышления, в виде события, она не требует для своего существования никакой опоры. Она есть сама по себе, в отличие от других категорий, которые определяются через эту сущность. Принятая Н. Бором тематическая оппозиция «непрерывность–дискретность» в квантовой физике в качестве равно адекватных картин реальности, может относиться и к «императиву существования»: дискретная жизнь как вид экзистенции и непрерывная как вид сущности. Поэтому можно говорить о существовании как о «помысленном» явлении, а о сущности – как о «бытии», «субстанции», «ипостаси». То,

что «существование предшествует сущности» ознаменовало становление экзистенциальной философии, «цельной реальности индивида». Эту форму бытия человека Ю. Степанов описывает в «Концептах», а более глубоко затрагивает в «Воображаемой словесности». Экзистенция определяется здесь и сейчас, в настоящем, в моменте схватывания существования. Моральный императив Л. Толстого, к которому обращается Ю. Степанов, точно подчеркивает это единство: «Настоящее – момент нерешенности, момент принятия решения, момент выбора, момент, когда человек определяет свою сущность, выбирая самого себя из равных возможностей готовой «стать», отлиться сущности. Поскольку настоящее – единственное подлинное время, поскольку оно – вечно, постольку человек призван постоянно, всю жизнь, неустанно определять себя, если он не хочет перестать существовать в подлинном смысле слова» [Степанов 2010: 37].

Ю. Степанов пытается приблизиться к сущности через экзистенцию. Но так как подлинная сущность проявляет себя вне форм подлинного существования, подойти к ней можно либо через воображение, как это и делает автор, либо через событие. Событие в этом смысле не следует понимать буквально как нечто, что является «фактом истины», по Лейбницу. Событие – это верование. «Веровать – значит, соучаствовать в событии, которое происходит в глубине того, что открывает вера. Я молод, я стар, я умер – событие продолжается и за гробом. Для Бога мы всегда живы. “Событие” Бога совершается в истории мира и в истории сердца» (Из анафоры литургии св. Иоанна Златоуста). Веровать – это еще значит видеть и слышать. Концепт «Вера» по Ю. Степанову, есть внутреннее состояние человека, каждого отдельного человека, которое невозможно описать. «Здесь – предел научного познания и описания концепта. И эта точка зрения в точности совпадает с положением православной теологии об апофатизме – отказе от словесных определений».

Воображение как способ познания сущности имеет тот недостаток, в результате которого сущности множатся. Это чувствует с первых страниц «Воображаемой словесности» и Ю. Степанов, призывая нас не умножать их, чтобы не нарушить императива существования. «*Entia non sunt multiplicanda*». И это ему удается сделать. «Три наши категории – Экзистенция, Логос, Изос – это не так много. У Аристотеля было десять!» Кажется, будто автор оправдывает себя. Но наивно так полагать, не проанализировав все творчество Ю. Степанова. Три категории, взятые им, есть не что иное как символы Троицы, три ипостаси:

- 1) Экзистенция – за ней мы видим идею существования самого Бога;
- 2) Логос – слово Божье (Иисуса Христа, сына); по А. Лосеву – «слово, адекватно выражающее какую-нибудь мысль и потому от нее неотделимое», по П. Флоренскому – «Слово есть сам говорящий», у А. Белого – «Ибо я – слово, и только слово»;
- 3) Изос – «равный», «подобный», «такой же как» – святой Дух.

Для того чтобы приблизиться к сущности, следует выбрать принцип «минимализации» как «максимально» правильный. Стремление к минимализму прослеживается во многих областях научного знания. В лингвистике минимизация признаков лежит в основе семантических примитивов Вежбицкой, в фонологических корреляциях минимальных пар фонем, в «принципе эконо-

мии речи», по А. Мейе. Само базовое понятие семиотики – знак – есть явление минимализации. По древнему (и по нашему с Ю. Степановым) определению, знак – это «что-то, что стоит вместо чего-то» (*Aliquid quid stat pro aliquo*). Можно даже сказать, что во многих культурах (и в нашем собственном быту) *имя человека* есть знак его облика и / или его сущности, т.е. его минимализация.

Принцип наименьшего действия, по Мопертюи, основан на предположении, что природа всегда действует с величайшей экономией. Если в природе происходят некоторые изменения, то полное действие, необходимое для осуществления этих изменений, должно быть минимально возможным.

Критерий оптимальности (*minimax*) определяет, согласно Лейбницу, эпистемологический статус отношения человека к действительному миру. Существующий мир как предмет познания должен удовлетворять двум априорным требованиям: он должен быть и наипростейшим в его гипотезах, и наиболее богатым в явлениях. Что касается первого из них, то «разум требует избегать множественности основных начал и гипотез», так как императив сущности – «это наибольший результат при наименьших затратах», или «общая экономия мира» [Майоров 1973: 105–106].

Смысл принципа «императива сущности» – требование минимизации аксиом в науке, «императива существования» – идея неисчерпаемости природы. С точки зрения лингвистики по [Рейхенбах 1985: 21], аксиомы не являются ни истинными, ни ложными, а лишь произвольными утверждениями.

Строго говоря, лингвистика оперирует не аксиомами, а постулатами, общими закономерными положениями, свойственными большинству языков. Под постулатом понимается основное положение теории, из которого логически вытекают другие существенные ее положения и которое само в этой теории либо не доказывается и принимается как данное, либо, напротив, постепенно разъясняется, раскрывается и доказывается в ней от ее первых до последних строк, так что является настолько же конечным выводом, насколько начальной точкой. Во времена Аристотеля под аксиому попадали отрицательные и утвердительные предложения. В свое время К. Бюлер выдвинул четыре аксиомы в лингвистике. Первая аксиома представляет «модель языка как органа», согласно которой язык связан: 1) с предметами и ситуациями, 2) с отправителем и 3) с получателем. Вторая аксиома связана со знаковой природой языка, третья посвящена разграничению языка и речи. Четвертая аксиома выделяет две главные единицы языка: слово и предложение. Все эти аксиомы представляют в лингвистике систему связи элементов языка.

За счет чего множатся аксиомы в науке? Их порождение, мы бы даже сказали нагромождение, наглядно продемонстрировано в «Лабиринте чувственных впечатлений» Эйнштейном. На его схеме представлен истинно циклический процесс, который начинается с непосредственно данных нашего чувственного опыта (плоскость E). Из аксиомы A «вытекает» ряд утверждений, которые проходят проверку на плоскости бесконечно данных нашего чувственного опыта или наблюдения. Отражаясь от плоскости, процесс снова возвращается к аксиоме, уточняя ее. Чаще всего, это происходит тогда, когда исчерпан лимит поиска и происходит «творческая попытка вслепую». Путь от E к A

не обязательно должен быть логическим. Порождение аксиом схематически выглядит так:

$$E \rightarrow J (\text{jump}) \rightarrow A_1 \rightarrow A_1 + \alpha (\equiv A_2).$$

Дальнейшее извлечение многозначной истины из следствий, переход к «размытым понятиям» и умножение миров свойственно максимализму, отходу от аристотелевской двузначной логики, в которой фигурируют два исхода – да и нет. Но не должно быть в жизненном пути две и более истины одновременно. «Христианский путь есть путь узкий, и нельзя его расширять. Поэтому в основных принципах не может быть сделок или уступок в сторону приспособления» [Булгаков 1991: 324–325].

Семантический позитивизм увидел в аристотелевской логике нелогичность, невозможность выбора. Но выбор как раз есть. Либо да, либо нет. Какими бы строгими ни были импликации, выводящие многозначную истину, они не объясняют смысла понятия «следует», а только заменяют его новым термином. Неясно, например, почему может следовать из какого-то истинного суждения Р истинное суждение Q. Импликация здесь, как это уже отмечали Карнап и советский логик В.Ф. Асмус, становится двусмысленной. Положение «Р имплицитно высказывает Q» может в известном смысле означать, что из Р следует, что Р содержит в себе Q. отождествление этих двух смыслов создает видимость, что импликация является основным принципом выведения. Никак нельзя согласиться с утверждением, что импликация является основным принципом мышления. Положение Рассела о том, что все математические истины являются формальными импликациями, явно незаконмерно [Фогариши 1959].

Движение в сторону «императива сущности» может происходить асимптотически, в виде создания идеостилия. Асимптота – это акт Творчества, неповторимый у разных авторов. И причина этого лежит в границах психологии. Можно схематически изобразить центральное звено психологического механизма интеллекта в виде двух проникающих одна в другую сфер. По [Пономарев 1976: 191], внешние грани этих сфер можно представить как абстрактные пределы (асимптоты) мышления. Снизу таким пределом окажется интуитивное (за ним простирается сфера строго интуитивного – мышления животных). Сверху – логическое (за ним простирается сфера строго логического – мышления современных электронных вычислительных машин).

В русской культуре, по [Степанов 1997: 154], представление, более того, убеждение, о различных видах существования является одной из констант. Оно нашло наиболее полное выражение в некоторой линии концепций искусства, составляющей своеобразную внутреннюю, ментальную изоглоссу русской культуры: русская религиозная живопись – концепция искусства у М.Ю. Лермонтова – концепция русских символистов – концепция основоположника абстракционизма Василия Кандинского; отдаленным источником этой концепции является, как уже было сказано, платонизм и, отчасти, «реализм» Аристотеля («реализм» как термин схоластической философии, признающей существование общего не только в виде имен, т.е. не так, как призна-

вал «номинализм» английской традиции). Рассматривая, пунктирно, эту изоглоссу, мы осветим и понятие «Быть, Существовать» в его наиболее ярком выражении – в искусстве.

Ю. Степанов всегда выделял константы «существование» и «сущность» в русской культуре как особую форму бытия. Что значит, существовать по-русски? Это и «Свобода воли», и «Свобода выбора», и «Вечное настоящее», являющие себя в «Экзистенциале с человеческим лицом». Но самое главное – «постоянная тревога за жизнь». Какого существования придерживался сам Ю. Степанов? Конечно, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было знать автора как человека. И так как такое знакомство нам было дано, мы с уверенностью ответим – подлинного.

«Различие между подлинным и неподлинным существованием неразрывно связано с «вечным настоящим». Но в то время как существование неподлинное, внешнее, бытовое не развивается, а представляет собой лишь последовательную смену «настоящих», подобных серии кадров на киноленте, существование подлинное подлинно развивается, оно имеет историю. И эта история есть история внутреннего развития личности как постоянного «выбора самого себя». Человек неподлинного существования живет в мире безличного, в мире, где царствует банальность, «культ среднего», но зато пользуется духовным покоем и комфортом. Напротив, человек подлинного существования сознает себя как личность, свое «я», но платит за это постоянным непокоем, он – «неспокойный» (цит. по: [Степанов 2010: 45] с отсылкой к [Mounier 1962: 72, 84]).

«Императив сущности» мы могли бы взять как образец и описать его в терминах предикации, в виде истинных либо отсылающих к референту, неявных, символических суждений. Иначе говоря, мы бы наделили императив некоторой функцией референции. Однако это не будет видом денотации, так как нам следует, подобно экземплификации, двигаться в направлении не от образца к тому, что образец в себя включает, а от чего-то, что уже включено в этот образец. Исходя из этого мы не можем, скажем, произвольно добавлять новые качества в образец, не изменив его внутренних характеристик. «Императив сущности» сам указывает на оригинал, является образцом. Это может означать, что он является вещью в себе, в некотором отношении недоступен логическому познанию. Однако его и не следует определять словесно, необходимо ощущать так же, как и константы Вера, Любовь и т.д.

«Императив сущности» и не суть физический образ. Он не составляет знания о чем-то объективном и не включен в познавательное отношение *ad hoc*, будучи лишь его необходимой предпосылкой. «Императив сущности» должен открыть себя во внутреннем созерцании.

Особый вид существования – «субзистенция». Сущности в абстрактном смысле не «экзистировать», а «субзистировать». По линии логики интенциональный мир – это логически возможный, но не обязательно реально существующий мир. Его существа, его «сущее», следует мыслить как то, логическое определение чего не содержит в себе противоречия; так, соединение понятий «круглый» и «квадрат» несет в себе противоречие, понятие же «квадрат», имеющее известное логическое определение, и определение непротиворечивое, обладает существованием в интенциональном мире, даже когда никакой квадрат нигде не изображен и, следовательно, не существует в данном реаль-

ном мире. Обозначение этих различных видов бытия составляет некоторую проблему [Степанов 1985: 89]. Следуя за Расселом [Рассел 1914], если обозначить высшую степень обобщения по этой линии словом «бытие» (англ. being), тогда все, что обладает бытием, какого бы рода ни было это бытие, есть «сущее»; то, что обладает бытием в интенциональном мире (в любом интенциональном мире), «субзистирует», а соответствующий вид бытия есть «субзистенция» (англ. to subsist, subsistence); то, что обладает бытием в реальном мире, «существует», или «экзистирует» (англ. to exist, existence), а соответствующий вид бытия есть «существование», «экзистенция» – это, следовательно, существование во времени, тогда как интенциональный вид существования – это существование вне времени. Логические и математические истины, числа (в платоновском понимании) также субзистируют.

Более «строгий» вид императива есть «категорический императив». Под этим названием было теоретически определено основное содержательное ядро нравственного закона, а рядом с ним, в виде как бы его окружения, наличие других «волений» (по Канту, «гипотетических императивов»), связанных с желаниями и целями практических действий человека. Гипотетические императивы могут не противоречить категорическому императиву, быть совместимыми с ним, но лишь в практическом («чувственно постигаемом») мире.

Наконец, мы обязаны определить, каким должен быть «экзистенциал с человеческим лицом». Вот как комментирует этот момент сам Ю. Степанов [Степанов 2010: 21]: «Словами “экзистенциал с человеческим лицом” я хочу сказать не то, что другие проявления этого понятия были бесчеловечны, а то, что те рождены страницами философских книг, “вычитаны”, а сейчас речь о том, как я сам столкнулся с ним – хоть и тоже на страницах книг, а все-таки как-то иначе – так сказать, “не со страниц, а с глаз человеческого лица”...». Этими лицами стали Дм.Е. Михальчи, Н.Н. Мельникова, Ю.Б. Виппер и др. И таким, в свою очередь, для нас стало лицо Юрия Сергеевича Степанова.

Литература

- Булгаков С.Н. Православие. М., 1991.
 Лосев А. Логос // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3.
 Майоров Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973.
 Пономарев Я. Психология творчества. М., 1976.
 Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 1914.
 Рейхенбах Х. Философия пространства и времени. М., 1985.
 Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
 Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Калуга, 2010.
 Фогариши Б. Логика. М., 1959.
 Mounier E. Introduction aux existentialisms. P., 1962.